

УДК 82.09

DOI: 10.26456/vtfilol/2025.1.177

ФИЛОСОФСКИЕ НАЧАЛА В РАННЕЙ ПРОЗЕ ЛЕОНИДА ЛЕОНОВА КАК НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА

А. С. Лапшин

Тверской государственной университет, г. Тверь

В статье исследована эволюция взглядов отечественных литературоведов на философские аспекты творческого наследия российского писателя и драматурга Леонида Леонова. В работе анализируется, как исследователи оценивали влияние различных философских учений на формирование эстетических и идейных оснований ранней прозы Леонова, выявляя, таким образом, глубинные смыслы и концептуальные позиции, заложенные в его произведениях. Особое внимание уделяется соотношению индивидуального и коллективного, вмешательству судьбы и свободной воли, а также поиску смысла жизни в контексте исторических и социальных реалий начала XX века. Делается вывод о том, что философские начала в произведениях Л. Леонова представляют собой важный объект для научного анализа, открывая новые горизонты для дальнейших исследований в области литературоведения, философии и культурологии.

Ключевые слова: Л. М. Леонов, леоноведение, русская литература XX века, мировоззрение, психологизм, мифологические и библейские мотивы и образы.

В рамках XX века творческая судьба Леонида Максимовича Леонова представляет собой уникальный объект для научного анализа. В ряду крупных русских писателей он выделяется как один из немногих, кто воплотил свойственные этому веку формы художественного сознания, начиная с дореволюционных времен (первая его публикация – 1915 г.) и заканчивая рубежом тысячелетия (финальный акт – роман «Пирамида» – 1994 г.). Его художественный мир наполнен отголосками масштабных, критических событий и трансформаций, которые пронизывают русскую историю и литературу. Однако, в работах Леонова существует и другой слой – мощный историко-культурный и мифологический пласт, защищающий лучшие из его текстов от девальвации.

Образ Леонида Леонова сложен и многогранен; поэт-символист, попутчик, плодовитый автор агитационных произведений, мастер «орнаментальной прозы», классик социалистического реализма, «золотой фонд» советской литературы, писатель-философ, ориентирующийся на классические традиции, последний русский классик. Так же разноо-

© Лапшин А. С., 2025

бразны и спектры трактовок его творчества. Но все писавшие о Леонове всегда были внимательны к миропониманию писателя, отличающемуся оригинальностью и открытостью для толкований даже в рамках строгих канонов социалистического реализма.

В советском леоноведении в большей степени исследовались произведения зрелого периода творчества писателя, написанные в соответствии с канонами социалистического реализма, раннему периоду творчества писателя уделялось неизмеримо меньше внимания, тем более что его идеологические установки этого периода оценивались не более чем попутничество. Однако среди прозаических произведений Леонова, написанных в 1921–1925-е годы, особенно в 1922 год, когда писатель датирует написанное им буквально по месяцам, есть немало работ, которые представляют интерес не только как начальный период творчества большого художника, но прежде всего, как вполне зрелые, мастерски написанные вещи, отмеченные оригинальными и глубокими мыслями.

Дебют Леонова-прозаика критикой 20-х годов был встречен в целом хвалебно: В. Львов-Рогачевский писал: «Совсем недавно выступил еще один совсем юный художник: это – Леонов, напечатавший в первом номере “Шиповника” свой лесной, смолистый, поэтический рассказ “Бурьга”. Автору, пришедшему к нам с Севера, от тех лесов, где мечтают о “Белом ските”, всего 22 года. Не у Даля, не из книг, а у живых источников собрал он сокровища живой поэтической речи. Эта живая речь давно уже уходит из наших городов и живет на севере диком, где сохранились наши сказки и былины. Поэт, влюбленный в природу и живую речь, чувствует-ся в каждом слове» [8, с. 82].

Уже тогда отмечая достоинства свежего и чистого языка Леонова, критики главным образом сосредотачивались на пока ещё оформляющемся художественном мировоззрении писателя, его идеологических установках. Так, Н. Смирнов, отмечая стилистическое своеобразие писателя, подчеркивал неясность его мировоззренческих ориентиров: «между виффлеемской звездой прошлого и прекрасным сполохом настоящего» [9, с. 2]. Ранние рассказы и повести Леонова по причине отсутствия в них отчетливо выраженных идеологических представлений заставляли ортодоксально настроенную советскую критику обвинять писателя в безверии и пессимизме, в незнании марксизма и невнимании к пролетариату. Для таких критиков оказался неприемлемым и подход молодого Леонова к изображению личности, его интерес к внутреннему миру человека, переживающего переломное историческое время. Еще более негативно оценивалось то, что ориентируется при этом Леонов на Достоевского, который большинством советских критиков считался крайне реакционным. Так, по мнению А. В. Луначарского, тот, кто учится у Достоевского, «не может явиться, пособником строительства, он – выразитель отсталой,

разлагающейся среды» [6, с. 193]. Менее ортодоксальные критики видели в Леонове попутчика. Так, А. Воронский, стремясь оправдать Леонова, писал: «Многие считают Леонова мистиком. Это едва ли так. Художественное нутро у Леонова совершенно языческое, земное. В основе творчество Леонова реалистично и питается языческой любовью к жизни. Леонов любит жизнь, как она есть, в ее данности» [3, с. 303].

Первые научные исследования ранних произведений Л. Леонова в советском леоноведении были посвящены изучению его мастерства психологического анализа, так П.П. Филиппов в своём диссертационном исследовании объединил «Петушихинский пролом», «Конец мелкого человека», «Записи Ковякина» в триптих о великом проломе в человеческой душе. Согласно трактовке Филиппова, их объединяет то, что в столкновении с новой леоновский герои терпит поражение, причины которого определялись социально-психологическими особенностями его личности. По мнению исследователя, писатель, показывая «преимущественно уходящее, сопротивляющееся нови, давал ему право на объяснение, которое и обнаружило со всей очевидностью мелкость» старого, благодаря чему победа нови была обеспечена не только силой, но и неизбежностью» [10, с. 7].

Несмотря на некоторую поверхностность анализа, избыточный и неоправданный социологизм, это первое научное исследование ранних произведений Леонова в советском леоноведении наметило главные направления в исследовании особенностей леоновской ранней прозы на долгие годы, а именно: роль фантастики, связи с текстами Достоевского, образ рассказчика и внимание к сказовым элементам.

Особенно активно в советском леоноведении в 70-е годы начинает разрабатываться тема использования ранним Леоновым традиций Достоевского. Наиболее обстоятельно исследована эта тема в работах Г.Г. Исаева. Основываясь на бахтинском анализе поэтики Достоевского, согласно которому комические, фарсовые, буффонадные элементы входят у великого русского писателя в самую сердцевину трагического и смехом в редуцированной форме пронизано все его творчество. Г.Г. Исаев исходит из того, что Леонов наследует у Достоевского именно этот принцип соединения комического и трагического во всех компонентах своих произведений: в композиции, структуре образа, словесном стиле. Из ранних произведений Леонова, в которых наиболее явственны стилизационные традиции Достоевского, Г.Г. Исаев рассматривает «Конец мелкого человека» и «Записи Ковякина», которые исследователем оцениваются как стилизации. Причем Г.Г. Исаев отмечает, что у Леонова имеет место не полемика с идеями Достоевского, хотя и выражено несогласие с ними (правда, не уточняется, в чем, собственно, несогласие состоит), не пародирование Достоевского (при этом отмечается, что элементы пародии

все-таки есть), но именно стилизация, поскольку Леонов, по мнению ученого, обыгрывает стилевые открытия Достоевского в целях «постановки на повестку дня волнующих проблем современности» [4, с. 7].

Использование Леоновым традиций Достоевского в ранних повестях изучалось в рамках рассмотрения эволюции жанра повести в творчестве Леонова Н. В. Шенцевой, которая обращает внимание на то, что при несомненно преобладающем влиянии на молодого Леонова Достоевского, для раннего творчества писателя огромное значение имела и учеба у Горького. Так, исследовательница считает, что «в леоновской постановке проблемы интеллигенции сыграл большую роль опыт разработки этой темы Горьким в пьесах “Дачники”, “Дети солнца”, “Варвары”» [11, с. 8].

Становление советской культурологии в 1980-е годы обусловило возрастание интереса к проблемам культурной преемственности, к диалогу культур различных эпох, к выделению вековых, непреходящих культурных тем, что, в свою очередь, обратило и филологов-леоноведов к исследованию вопросов диалога культур в творчестве Леонова, в том числе и в раннем, предоставляющем для подобного изучения богатые возможности. Такой культурологический подход позволил, например, Э. Ф. Кондюриной установить, что все ранние произведения писателя объединены единой идейно-художественной мыслью, а именно: «Все эти герои, представляющие разные исторические эпохи и социальные слои общества, обрисованы главным образом со стороны своего сознания, которое находится в состоянии кризиса. Кризис во всех случаях порожден столкновением традиционного мышления о мире с нетрадиционной действительностью. И вот этот-то “пролом” в психике становится предметом художественного изображения писателя» [5, с. 10].

Перестроечное время, ликвидировавшее необходимость использования идеологических клише при интерпретации ранних произведений писателя, ставшего советским классиком, освободило литературоведческую мысль, а продолжающееся развитие культурологической мысли стимулировало обращение к истокам творчества писателя, которое в целом все больше стало определяться как некое единое произведение о судьбе культуры, начало которому как раз и было положено произведениями 1922 года. Большое внимание стало уделяться, в частности, ранее малоактуальной теме библейских мотивов в творчестве молодого Леонова, стали исследоваться- явленные в раннем творчестве его непростые, напряженные отношения с христианским миропониманием. По мнению А. Г. Лысова, использовавшего культурологический подход в изучении ранней прозы Леонова, «произведения, созданные Леоновым в 1922 году (от “Бурыги” до “Петушихинского пролома”), можно рассматривать как неделимый цикл, объединенный складывающимися идеалами “всечеловечности” в концепции молодого художника и организованный его интернациональным мироучувствованием. Типологически цикл близок

к “жанрам-ансамблям” (своды и др.) древнерусской литературы. Основа циклообразования -мировая жизнь; принципы “мирообъятия” роднят раннего Леонова с общечеловеческими идеалами “Народных рассказов” Л. Толстого, “развоплощение” авторского “я” в абсолют “всемирной отзывчивости” сближает его с исканиями Достоевского» [7, с. 11].

Начало нулевых было ознаменовано попытками выделения некоторых ведущих стилевых тенденций ранней прозы Л.Леонова. Так, Ян Минмин впервые проанализировал такие ранние вообще не исследовавшиеся произведения, как «Бурыга», «Бубновый валет», «Темная вода», и сделал убедительную попытку доказать, что стиль ранней прозы Леонова эволюционирует на пути синтеза символистской поэтики и традиций реализма Достоевского, а реминисценций в его ранних работах используются для создания полифонического текста [12, с. 21].

Значительные успехи были достигнуты в изучении общемировоззренческих вопросов и художественных находок Л.М. Леонова, смысловая емкость которых выходит за пределы собственно литературы (обнаруживает историософское звучание). В частности, Ю.Л. Василевская в своей работе доказывает, что художественный мир романа «Пирамида» подчинён логике карнавального мироощущения [1, с. 17]. А.А. Воробьев утверждает, что на современном этапе, несмотря на отсутствие целостного труда о проблеме философской основы произведений Л.М. Леонова, подобного рода исследование возможно и необходимо, а существующие «подступы» к данной проблеме позволяют «двигаться далее, расширяя пространство философской интерпретации раннего творчества Леонида Леонова средствами литературоведения» [2, с. 7]. Думается, что анализ именно раннего творчества Л. Леонова с точки зрения его философских основ позволит более глубоко осмыслить философскую суть наследия великого писателя в целом.

Список литературы

1. Василевская Ю.Л. «Пирамида» Л.М. Леонова как философский роман: структура художественного мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Ю.Л. Василевская; Тверской государственный университет. Тверь, 2009. 200 с.
2. Воробьев А.А. Философская проза Леонида Леонова: историко-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 5.7.2 / А.А. Воробьев; Московский педагогический государственный университет. Москва, 2022. 17 с.
3. Воронский А. Литературные силуэты. Леонид Леонов // Красная новь. 1924. № 3. С. 300–306.
4. Исаев Г.Г. Проблема стилевой традиции Достоевского в прозе Леонида Леонова 1920-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 / Г.Г. Исаев; Горьковский государственный университет. Горький, 1975. 23 с.

5. Кондюрина Э. Ф. Проза Леонида Леонова 20–30-х годов. Проблема культуры : учебное пособие. Вильнюс : Министерство высшего и среднего специального образования ЛитССР, 1982. 93 с.
6. Луначарский А. В. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 1. Москва : Художественная литература, 1963. 615 с.
7. Лысов Л. Г. Раннее творчество Леонида Леонова. Концепция культуры : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.02 / Л. Г. Лысов ; Институт русской литературы. Ленинград, 1988. 20 с.
8. Львов-Рогачевский В. Революция и русская литература // Современник. 1923. Ки. II.
9. Смирнов Н. Литература и жизнь. Леонид Леонов // Известия. 1924. 17 августа. С. 2.
10. Филиппов П. П. Мастерство Леонида Леонова: (Искусство психологического анализа в ранней прозе): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.02 / П. П. Филиппов ; Ташкентский государственный университет. Ташкент, 1971. 27 с.
11. Шенцева Н. В. Развитие жанра повести в творчестве Л. Леонова (20–60-е годы): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.02 / Н. В. Шенцева ; Московский областной педагогический институт. Москва, 1977. 19 с.
12. Ян М. Некоторые стилевые традиции в ранней прозе Л. Леонова: 1921–1925 гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / М. Ян ; Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2004. 21 с.

PHILOSOPHICAL BEGININGS IN THE EARLY PROSE OF LEONID LEO NOV AS A SCIENTIFIC PROBLEM

A. S. Lapshin

Tver State University, Tver

This article examines the evolution of the views of Russian literary critics on the philosophical aspects of the creative legacy of the Russian writer and playwright Leonid Leonov. Throughout the work, it analyzes how various researchers assessed the influence of various philosophical teachings on the formation of the aesthetic and ideological foundations of Leonov's early prose, thus revealing the deep meanings and conceptual positions embedded in his works. Special attention is paid to the relationship between the individual and the collective, the intervention of fate and free will, as well as the search for the meaning of life in the context of historical and social realities of the early 20th century. The author of the article argues that the philosophical principles in Leonov's works are an important object for scientific analysis, opening up new horizons for further research in the field of literary studies, philosophy and cultural studies.

Keywords: *L.M. Leonov, Leonov studies, Russian literature of the XX century, worldview, psychology, mythological and biblical motifs and images.*

Об авторе:

ЛАПШИН Андрей Сергеевич – аспирант кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: zavarnoi.andrey@gmail.com.

About the author:

LAPSHIN Andrey Sergeevich – Postgraduate Student at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (33 Zhelyabova Str., Tver, 170100), e-mail: zavarnoi.andrey@gmail.com.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.03.2025 г.
Дата подписания в печать: 14.03.2025 г.